

Ахмед КАХРИМАНОВ

## К ВОПРОСУ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ТРАНЗИТЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*В статье предпринята попытка проанализировать некоторые наиболее важные, на взгляд автора, факторы, определяющие условия и характер демократического транзита новых независимых стран, появившихся на политической карте мира после распада СССР.*

*The paper attempts to examine some of the most important, in the author's view, factors determining conditions and character of democratic transition of new independent countries that emerged on the world political map after the collapse of the Soviet Union.*

**Ключевые слова:**

*форма государственного устройства, демократия, демократизация, постсоветские государства, новые демократии; form of government, democracy, democratization, post-Soviet states, new democracies.*

Как показывает опыт формирования и утверждения политической демократии в современном мире, не существует какой-либо единой ее модели, одинаково пригодной для всех без исключения народов. Чтобы правильно понять этот тезис, необходимо иметь в виду следующий весьма важный, но не всегда учитываемый момент. Как известно, термин «демократия» в дословном переводе с древнегреческого языка означает «народовластие» или «власть народа». В этом смысле важнейшим признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. Причем разные народы могут по-разному трактовать содержание и формы этого народовластия. Имеются более или менее существенные разночтения в понимании демократии на Западе и на Востоке.

Достаточно взглянуть на политическую карту Западной Европы и Северной Америки, чтобы убедиться в том, что базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разных странах в соответствии с их национально-историческими, этнонациональными, социокультурными, политико-культурными, конфессиональными и иными характеристиками. Здесь можно согласиться с С. Хантингтоном, который считал, что в современном мире «сама демократия становится все более дифференцированной»<sup>1</sup>. Не случайно для обозначения демократических и полудемократических режимов, возникших в последние полтора-два десятилетия на постсоветском пространстве и в ряде развивающихся стран, появилось понятие «новые демократии».

В демократическом обществе хотя бы формально должен действовать принцип, согласно которому группа, победившая на выборах или добившаяся большего политического влияния, не станет использовать полученное превосходство для отстранения проигравших от выборных постов и заблокировать их участие в политическом процессе. Этот принцип предполагает соперничество в рамках демократического выбора. Победившая сторона находится у власти до тех пор, пока предложенная альтернатива оппозиции не окажется привлекательнее для народа. Проигравшие же, сохраняя возможность конкуренции, будут уважать право победителей выносить обязательные для всех граждан решения. Победа на выборах

КАХРИМАНОВ

Ахмед

Мугуддинович —

к.полит.н.,

заместитель

генерального

директора

Финансово-

банковского совета

СНГ

ekahriman@fbc-cis.ru

<sup>1</sup> Huntington S. Democracy for the Long Haul // Journal of Democracy, 1996, vol. 7, № 2, p. 10.

должна быть общепризнанной, что дает победившей стороне реальные шансы на проведение своей политики при уважении со стороны проигравших<sup>1</sup>.

Даже в обществах, где постоянно побеждает одна и та же партия, существует возможность изменений в результате независимых коллективных действий. Как считают Ф. Шмиттер и Т.Л. Карл, если такой возможности нет, система не является демократической<sup>2</sup>. Что касается большинства постсоветских стран, то здесь, по сути дела, такой непредсказуемости нет. Дело в том, что в случае формально законных выборов редко побеждает руководитель оппозиции, который в случае прихода к власти пытается пересматривать если не весь основной закон страны, то его ключевые статьи под себя, чтобы узаконить сохранение за собой власти на неопределенный срок, зачастую превращающийся в пожизненный. Например, так это произошло в Белоруссии, Туркменистане в период правления С. Ниязова или в Казахстане, где Н. Назарбаев фактически стал пожизненным президентом. В случае же когда оппозиция совершает какую-нибудь так называемую «цветную» революцию, результат большей частью тоже известен, поскольку победу одерживает тот, кто способен мобилизовать массы на Майдане или на какой-либо подобной ей площади в Киеве, Тбилиси, Бишкеке и т.д.

Как правило, в первом случае отсутствует реальная конкуренция и широко используется властный ресурс. Имеет место та или иная форма зажима оппозиции и вследствие этого отсутствует реальная конкуренция на выборах. Во втором случае, по сути дела, используются несколько закамуфлированные революционными лозунгами методы государственного переворота.

Для утверждения демократических принципов, ценностей и институтов необходимы определенные условия. Нельзя не согласиться с американским политологом Д. Растоу, по мнению которого «единственным предварительным условием» для перехода к демократии «является наличие национального единства» в стране<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Шмиттер Ф., Карл Т.Л. Что есть демократия // Русский журнал, 14.08.98; <http://www.russ.ru/journal/predely/97-08-14/shmitter.htm>

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политические исследования, 1996, № 5, с. 6.

Состояние общества, когда национальное единство признается уже как бы на бессознательном уровне, служит исходной базой для осуществления демократических перемен. Что касается большинства, если не всех постсоветских стран, то здесь главным препятствием на пути формирования эффективной и жизнеспособной демократии является слабость социальной базы демократического транзита, проявляющаяся в неразвитости среднего класса, неструктурированности гражданского общества, отсутствии эффективной многопартийной системы при наличии множества мелких политических партий, которые не в состоянии создать реальную действительную оппозицию, мобилизовать граждан и обеспечить эффективный контроль за властными структурами.

Политическая свобода каждого отдельно взятого гражданина общества составляет непереносимое условие любой демократии, заслуживающей этого названия. Но сама политическая свобода может быть реализована лишь там, где есть реальный выбор в социальной и экономической сферах. Как показывает опыт развитых демократических стран, такой выбор возможен только в условиях рыночной экономики и политической демократии. При всех возможных здесь оговорках очевидно, что эффективно функционирующая демократия так или иначе связана с более или менее высоким уровнем экономического развития, определяющим такие важные параметры жизненных стандартов, как уровень урбанизации, потребление энергии, процент ВВП, идущий на здравоохранение, образование и науку, отсутствие резких социальных контрастов и т.д. Все это зависит от степени развития рыночных отношений. В то же время этот же опыт свидетельствует, что нередко капитализм, хотя, возможно, и деформированный, вполне совмещался с подлинно тираническими формами правления. Не секрет, что при нацистском режиме в Германии, фашистском – в Италии, франкистском – в Испании, пиночетовском – в Чили и т.д. диктаторские властные машины были созданы на капиталистической в своей основе инфраструктуре, хотя она и была подчинена государству.

Признание неудачи плановой экономики и предпочтение рынка и демократии не должны привести к забвению того, что значения этих категорий варьиру-

ются от страны к стране. Неудача реформ Горбачева и одновременный успех экономических преобразований в ряде азиатских стран, особенно в Китае, со всей очевидностью свидетельствуют о необоснованности тезиса, согласно которому утверждение рыночной экономики предполагает в качестве своего предварительного условия утверждение демократии. На первый взгляд, парадокс состоит в том, что в последние десятилетия наиболее успешным переход к рыночной экономике был при авторитарных режимах. Можно со всей ответственностью утверждать, что рыночная экономика в принципе совместима со всеми политическими режимами. Тем не менее нельзя не согласиться с исследователями, по мнению которых в мире все демократии основываются на рыночной экономике, в то время как нет демократии, основанной на централизованно-плановой экономике. Поэтому одна из ключевых задач, стоящих перед постсоветскими странами, — это переход к полноценной и эффективной рыночной экономике. Это говорит о том, что при переходе от тоталитарной системы к демократической речь идет о перестройке всей системы социальных, экономических, политических и идеологических отношений.

Суть вопроса состоит в том, что население страны невозможно подготовить к принятию и, так сказать, перевариванию демократии одновременно. Для этого потребуются много времени и усилий, возможно, не одного, а нескольких поколений. В этом вопросе нельзя согласиться с российским политологом Г.И. Вайнштейном, по мнению которого «подавляющее большинство поставитарных стран находится не на некоей «промежуточной станции» своего пути трансформации, а в конечном пункте того развития, на которое они оказались способны»<sup>1</sup>.

Как показывает опыт многих стран, оптимальным для демократизации общества является осуществление преобразований путем соглашений элит, представляющих основные социально-политические силы, по ключевым вопросам формы государственного устройства. Как отмечал С.М. Липсет, для успеха демократического

транзита необходимо «сделать узаконенной нормой мирную борьбу между соперничающими элитарными группировками, дающую массам возможность выбора из нескольких альтернативных программ, даже если они при этом раскрывают слабые стороны и просчеты друг друга»<sup>2</sup>.

Реальную, жизнеспособную демократию нельзя создавать революционным путем под руководством идеологизированных политических движений или объединений. Обоснованность этого тезиса подтверждается на опыте ряда постсоветских стран, которые, отказавшись от советской модели, пытались установить жесткие авторитарные режимы с этнократическим уклоном. Для некоторых из них не было чуждо стремление повторить имперский опыт на местном уровне, выражавшийся в фактической дискриминации и подавлении так называемых нетитульных народов.

При эволюционном типе трансформации, осуществляемой путем соглашения элит, участие широких масс и их активность канализируются в рамки, определяемые и контролируемые элитами, поскольку неконтролируемые действия масс чреваты перегибами и непредсказуемостью, что в конечном итоге может обернуться установлением диктатуры под лозунгом восстановления общественного порядка и безопасности. Дело в том, что важнейшим условием успеха демократизации, как уже указывалось, является политическая стабильность, позволяющая реформировать общество в рамках закона и обеспечивающая способность институтов государственной власти управлять важнейшими сферами общественной жизни.

Следует отметить, что демократическая трансформация в целом ряде стран по сути дела была осуществлена сверху. Данная модель характерна для стран, где правящая политическая элита, осознавая угрозу кризиса общества и стремясь предотвратить его, вступает в переговоры с демократической оппозицией и приступает к осуществлению (с той или иной степенью последовательности) перестройки существующей системы на путях демократизации. Наиболее удачными примерами такой трансформации могут служить послефранкистская Испания, Бразилия конца 70-х — начала 80-х гг.,

<sup>1</sup> Вайнштейн Г.И. Российский транзит на фоне глобальной демократизации // Демократия и демократизация на рубеже веков. — М., 2000, с. 145.

<sup>2</sup> Липсет С. Размышления о капитализме, социализме и демократии // <http://russ.ru/antolog/predely/1/dem2-1.htm>

Республика Корея и ряд других новых индустриальных стран. Такой же путь прошло большинство постсоветских государств. Начальным импульсом к демократизации стали процессы, которые в странах Восточной Европы получили условное название «бархатных» революций, которые сопровождались массовыми движениями в поддержку демократизации, а впоследствии – относительно мирной эволюцией режима под руководством правящих элит.

Если признать многообразие национальных моделей демократии и форм демократического транзита, то применительно к целому ряду постсоветских государств, переживающих транзитный период, можно согласиться с теми авторами, которые предпочитают тезису об «откате» демократии идею о наличии застойных явлений в демократических преобразованиях.

Показательно, что даже применительно к такой более продвинутой по сравнению с рядом других государств постсоветского пространства стране, как Россия, до сих пор не прекращаются дискуссии о том, насколько оптимистичны перспективы принятия и утверждения демократии и пригодна ли она для нее вообще. Некоторые наблюдатели и исследователи придерживаются того мнения, что страны и народы разделяются на те, которые пригодны к демократии, и те, которые ее решительно не приемлют. Естественно, к первой категории, как правило, относят преимущественно западные страны и народы, а ко второй – преимущественно восточные, в т.ч. постсоветские, страны, включая Россию. Характерна позиция в этом вопросе известного американского политолога У. Лакера. Он, в частности, утверждал, что Россия как раз относится к тем странам, которые не любят демократию и поэтому – де все усилия по демократизации в нашей стране обречены на неудачу. Он также считал, что в России нет достаточного контингента демократов, что русские никогда не любили и не уважали демократию, т.к. всегда предпочитали автократию. Естественно, что это в еще большей мере применимо к большинству других постсоветских государств.

С такой точкой зрения нельзя согласиться без существенных оговорок. И все же фактом является то, что целый ряд стран и народов показали свою неспособность и неготовность принять демокра-

тию, ее ценности и институты. Более того, с крахом авторитаризма и тоталитаризма многие страны, в т.ч. новые постсоветские независимые государства, оказались в тисках широкомасштабных территориальных, этнических, конфессиональных конфликтов, хаоса и дезинтеграции.

Одним из доводов авторов, отрицающих всякую возможность создания демократических режимов в большинстве постсоветских стран, является утверждение о том, что их политическая культура относится к авторитарно-коллективистскому типу, ориентированному на централистскую властную систему и государственное вмешательство во все сферы общественной жизни. Такое понимание, в свою очередь, поднимает вопрос о том, присутствует ли в духовном, социокультурном и политико-культурном опыте этих стран потенциал свободы и, соответственно, демократии.

Демократия может утвердиться и институционализироваться на конкретной национальной почве лишь в том случае, если общепринятые демократические ценности и нормы станут поведенческими установками большинства населения. Но, чтобы стать действительным демократом в собственном смысле слова, человек должен родиться, вырасти, социализироваться в соответствующей социокультурной среде. Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации. А это – вещи, достигаемые в результате длительного исторического опыта. Важно, чтобы в самой базовой ткани общества и его менталитете присутствовали те элементы, которые готовы к восприятию и воспроизводству ценностей, норм, установок демократии и рынка.

Особенность политической культуры подавляющего большинства постсоветских стран состоит в приверженности групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. Для большинства этих стран характерны этнический и профессиональный корпоративизм, высокая степень персонализации в политике, установка на авторитаризм и клиентелизм, значительная роль традиционных ценностей в политической культуре. Эти факторы во многом определяют сущностные характеристики политических режимов большинства постсоветских государств.